

Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет?

Беседа с редакторами журнала *Ab Imperio*
Ильей Герасимовым
и Мариной Могильнер

А*б Imperio* в буквальном переводе с латыни означает «от империи». Так называется выходящий с 2000 года в Казани ежеквартальный научный журнал (сетевую версию см.: <http://abimperio.net>), который позволил объединить усилия российских и зарубежных исследователей в изучении истории империи, национальностей и национальных движений на постсоветском пространстве. Постоянные редакторы журнала — профессиональные историки из России; в его редакционный совет входят ведущие специалисты из Германии, Соединенных Штатов, Японии, Венгрии, Австрии и Чехии, а публикующиеся в нем авторы представляют два десятка стран. В 2002 г. журнал перешел к выпуску тематических номеров в рамках более широкой годовой исследовательской программы: «Парадоксы модернизации» (2002), «Грани и границы империи» (2003), «Археология памяти империи и нации» (2004), «Языки самоописания империи и многонационального государства» (2005) и «Антропология языков самоописания империи и нации» (2006). Но еще более общей задачей, которую ставят перед собой редакторы журнала, является развитие «новой имперской истории».

* * *

История пишется о том, что осталось в прошлом, поэтому странно рассуждать об истории *Ab Imperio* — продолжающегося исследовательского проекта и международного профессионального форума. С другой стороны, может быть и стоит вспомнить о генезисе проекта, вступающего в восьмой год своего существования, чтобы яснее стало, насколько далеко от первоначального замысла он ушел — главным образом, в результате взаимодействия авторов и редакторов журнала.

Идея нового профессионального исторического журнала возникла еще в 1998 г., когда стало окончательно ясно, что основные российские исторические журналы — «Вопросы истории» и «Отечественная история» — неререформируемы. В известной степени, они отражают состояние исторической профессии в России, так что не вина редакции, если эта профессия — институционально и интеллектуально — глубоко склеротична (что особенно противопоставлено науке о прошлом). В конце 1990-х годов абсолютным лидером гуманитарной журналистики в России было московское «НЛО» (Новое литературное обозрение), собиравшее вокруг себя наиболее динамичные интеллектуальные силы и привлекавшее к сотрудничеству российскую научную диаспору (конечно же, несравнимо менее укорененную и влиятельную, чем украинская, но также выполнявшую важную модернизаторскую функцию на родине). Журнал и одноименное издательство располагали достаточно солидной инфраструктурой, поэтому неудивительно, что проект нового исторического журнала предполагал развитие уже имеющегося потенциала НЛО. Осенью 1998 г. в Нью-Йорке мы предложили хозяйке гуманитарного холдинга Ирине Прохоровой проект «франчайза»: журнал «Новое историческое обозрение» (НИО), построенный на принципах, близких тем, что позже легли в основу *Ab Imperio* (международный ежеквартальник, тематические номера и пр.). Мы предлагали идею, творческую работу и менеджмент, ожидая в ответ помощь в логистике и распространении нового журнала. В принципе, проект бил в десятку: в это время НЛО активно осуществляло экспансию в смежные области гуманитарного знания (история, антропология), мы могли бы институционализировать этот процесс и профессионально организовать его. Наше предложение было, в общем, принято, но оговорено одним условием: редакция должна была располагаться в Москве, «сердце нашей родины», и под непосредственным контролем НЛО. Это условие нас категорически не устроило, и проект не состоялся.

Год спустя, в конце 1999 года, был основан журнал *Ab Imperio*. Это был утопический проект во многих смыслах. Его начали исследователи без какой бы то ни было административной или организационной поддержки, без имени в профессии; он был уникален по своей концепции (уточняющейся по ходу развития проекта) и формату; он изначально претендовал на то, чтобы служить общей площадкой для экспертов по региону бывшего СССР, предъявляя абсолютно одинаковые требования к представителям различных академических традиций и вырабатывая общий научный язык. Изначальная идея выпускать российский аналог *Nationalities Papers* принадлежала Алле Зейде; название журнала предложил Сергей Глебов. Оставалось только разработать формат, собрать материалы и получить хоть какое-то финансирование — общеизвестно, что под научные периодические издания гранты никто нигде и никогда не дает...

Первый номер вышел в июне 2000 г. — установив своеобразный график выхода журнала, дополнительно обусловленный специфиче-

ским рабочим календарем российских полиграфических предприятий (невозможно напечатать до конца января заказ, сданный позже конца ноября). Как говорится, *the rest is history...* Журнал выходит в Казани, на Средней Волге, в 700 км от Москвы, его издают пять редакторов, находящихся обычно в 3–4 разных странах. Половина тиража рассылается бесплатно по научным и университетским библиотекам бывшего СССР — от Сахалина до Львова, от Архангельска до Астаны, половина распространяется по подписке в 34 странах. Мы печатаем статьи после предварительного внешнего рецензирования, либо на русском либо на английском, принимая материалы кроме этих двух языков на украинском, немецком и французском. Из-за строго тематического принципа комплектации номеров и жесткой схемы постоянных рубрик номера получаются толстые, в среднем около 600 страниц. Это очень накладно и требует огромных усилий при работе над номером, но *noblesse oblige*: первая рубрика «Методология и теория» отведена текстам, которые предлагают некую новую исследовательскую оптику (при это вовсе не обязательно, что это концептуальные тексты гуру или откровения корифеев: главное — не статус, а новизна подхода). Понятно, что публикуя один-единственный текст в рубрике, мы как бы говорим: вот как надо подходить к проблеме. Когда же публикуется хотя бы 2–3 очень разных по методу материала, задается объем исследовательского поиска (у проблемы есть вот такой аспект, а есть и такой...). Ключевая для нас, историков, рубрика «История» часто отводится тематическому форуму. И тут исследовательская и институциональная логика также заставляют наращивать объем публикации. Если речь идет, допустим, об исламе в Закавказье или на Средней Волге — можно ли обойтись без перспективы местных исследователей? Мы все же российский журнал, нам интересно состояние изучения проблемы российской и постсоветской наукой — поэтому обязательно будем искать российский или среднеазиатский материал. Но можно ли говорить об исламе без участия немецких исламоведов, одной из наиболее мощных научных школ? Ну и очень интересные исследования проводятся в США, желательно найти и американскую статью. Есть школа исламоведов во Франции, со своими традициями и подходами... Вот так, почти автоматически, увеличивается объем журнала — но и объемность взгляда на проблему...

Можно разглядеть в проекте *Ab Imperio* «три источника — три составные части»: во-первых, это традиция российского «толстого журнала». Как уже говорилось, журнал действительно «толстый», в нем поддерживается постоянная структура рубрик (только вместо публицистики — поэзии — прозы это различные обществоведческие дисциплины). Кроме того, хотя журнал нельзя в полной мере назвать «направленным» (как положено настоящему российскому толстому журналу), у него безусловно есть определенная политическая физиономия. Трудно четко сформулировать политическую платформу *Ab Imperio*, но, наверное, она ближе всего позиции частного лица — интеллектуала,

отдающего приоритет правам человека перед любыми притязаниями политической группы. Понятно, что концепция «прав человека» внутренне противоречива и ситуативна — о чем и пишет журнал (право на религию и культуру может ущемлять права женщины, а право на защиту и безопасность — право на свободу). Однако журнал в целом в равной степени критичен по отношению к имперским претензиям на гегемонию и националистическим проектам политической эксклюзивности и этнических чисток. К счастью, нам не нужно принимать политических решений и мы можем позволить себе роскошь неангажированного критического анализа, направленного на выявление сложности и противоречивости общественной жизни, а не на ее упорядочивание.

Второй архетип, заложенный в проекте *Ab Imperio* — традиция самиздата. Это касается как институционализации журнала, так и схемы распространения и подбора авторов. Журнал был создан и издается усилиями частных лиц — исследователями-соредакторами и не зависит от того или иного министерства или издательства. В первое время журнал рассылался конкретным лицам — мы считали, что посылать сразу в библиотеки неизвестный журнал бесполезно, и до сих пор добавляем новую библиотеку в список рассылки только после того как получаем конкретный запрос и понимаем, что у журнала уже есть готовая аудитория в данном городе. Мы рассчитываем на сеть наших авторов когда ищем рецензента для поступившей статьи или участников для очередной инициативы журнала (семинара, конференции и пр.).

Наконец — и самое главное — *Ab Imperio* является профессиональным научным журналом западного типа. Собственно «западность» настоящего научного журнала сводится к его «невосточности»: мы не публикуем материалы по блату, по звонку и за деньги, а только в результате внешнего анонимного рецензирования и большой редакторской работы с автором. Т. е. речь идет об очевидных и универсальных принципах, которые в современной гуманитарной среде в России просто не известны (чего не скажешь о естественных науках). Мы также отличаемся от типа профессионального журнала научной ассоциации или общества (вроде *Slavic Review* или *American Historical Review*), которые обязаны публиковать статьи своих членов, прошедших формальную экспертизу 2–3–5 рецензентов. Лишняя рецензия никогда не помешает, но для этих журналов это единственный критерий отбора статьи. До последнего времени *SR* печатал под одной обложкой статьи филологов, историков, политологов — вперемежку, вне всякой внутренней логики. Это и понятно: членами АААСС состоят представители самых разных дисциплин, занимающихся не только бывшим СССР, но и Венгрией, и Югославией. Именно кризис жанра универсального ежеквартальника подсказал нам идею необходимости жесткой структурной и тематической организации номеров. Мы видим, как предложенные нами форматы (тематические номера, международные форумы, интервью — нечто совершенно

чуждое прежде американской научной журналистике) осваиваются коллегами — и журналы их становится интереснее читать!

Впрочем, у тематического принципа *AI* есть и более важная функция, чем журналистская и маркетинговая инновация. *AI* — коллективный научный проект, заочный *think tank*, проводящий с каждым тематическим номером международную научную конференцию (экономя на расходах на проживание и проезд). Напомним, что первоначально мы предполагали заняться трансфером дисциплины *nationalities studies* на местную научную почву — не слишком оригинальная, но понятная и благодатная работа «компрадоров», которой успешно занимаются многие наши коллеги. Очень скоро стало понятно, что писать современную историю как «национальную» историю невозможно: как вычленишь неизменное «национальное тело» в до-национальной или вне-национальной политике? Стало ясно, что «эксцессы» постсоветских историографий начала 90-х годов, выведивших «русских» от этрусков и писавших главы вузовских учебников под названием «Татарстан в эпоху палеолита» объясняются отнюдь не только неконтролируемым националистическим энтузиазмом авторов. Мы столкнулись с общим кризисом дисциплины, «прежде известной как «русистика»». С распадом СССР исчезла естественная, нерелеферируемая «исследовательская рамка», которая позволяла совмещать локальную и глобальную перспективу. Особенно большие проблемы возникли у западных коллег: у них просто исчез предмет исследования, название дисциплины, а, соответственно, возможность привлекать студентов на курс, писать проходные грантовые заявки, да просто сохранять престиж профессии.

Чем они занимаются? Историей СССР? Его нет, какова актуальность изучения давно распавшегося государства? *Russian History*? Кто такие «русские» (и что делать со всеми остальными)? История Евразии? Но почему тогда она посвящена в основном Восточной Европе, игнорируя Индию и Китай? *Slavic Studies*? А что делать с тюрками и евреями? В более выгодном положении оказалась украинистика, благодаря подвижнической работе диаспорных исследователей в прошлые десятилетия и наплыву первоклассных специалистов с Украины, но и это направление не может полностью занять былую нишу и решить принципиальные методологические проблемы.

Современные историки показывают, что «украинскость» («татарскость», но даже и «еврейскость», тем более «русскость») в течение столетий являлось динамичной открытой системой, чьи границы и параметры зависели как от внутренних, так и от внешних факторов. Помимо бинарных отношений «империя — народ» (центральная власть — регион), не меньшую роль играли «горизонтальные» связи, внутренняя неоднородность национальных элит (а тем более широких масс), логика ситуации. Игнорирование широкого контекста и приводит, в пределе, к историям о вечном богоизбранном народе, пронесшем мечту о полной независимости через века иноземного гнета и наконец реали-

зовавшего государственность на своей исторической территории. (Этому историческому нарративу, построенному по всем правилам европейского романтического канона XIX века, мы обязаны кошмаром этнических чисток XX века не в меньшей степени, чем любым политическим доктринам.) Какова же альтернатива местечковой самоизолированной национальной перспективе?

В свое время Андреас Каппелер использовал концепт «многонародного государства». Ясно, что речь идет о неких самоочевидных «народах», которые первичны по отношению к общему социально-политическому пространству. Как показали попытки развивать эту исследовательскую парадигму, не решая проблем «нации-эксклюзивного» подхода, она лишь механистически сводит изолированные «национальные истории» вместе, что не позволяет понять динамику исторического процесса (помимо телеологического становления и эмансипации отдельных наций). Другой вариант — вычленение региона и попытка рассмотрения всех процессов, проходивших на определенном пространстве. В краткосрочной перспективе это вполне продуктивный подход, позволяющий изучать ситуацию контакта и взаимодействия. Однако символическая география (вероятно, вообще география) — это ментальный конструктор. Как показано исследователями, не только «Восточная Европа», но и «Сибирь» (и даже «Украина») являлись подвижными и аморфными категориями. Где провести границу исследовательской рамки? Как ее обосновать? Нерелевантное же использование категорий вроде «Восточная Европа» или «Евразия» приводит к онтологизации культурных стереотипов и мифологий, приписыванию произвольно очерченной территории неких имманентных свойств или исторической телеологии.

Одним словом, к концу 1990-х годов дисциплина, прежде известная как «История России», «славистика», «русистика» была в системном кризисе, по обе стороны Атлантики — что не мешало появлению совершенно замечательных исследований. В этой ситуации, не имея никакого собственного готового рецепта, мы предложили вернуться к основным историческим объясняющим метанарративам («модернизация»; «границы»; «историческая память»; «языки самоописания»; «антропология группности»; «социология знания»), чтобы понять, насколько приложимы они к современным задачам исторического описания пространства Российской империи / СССР. Единственным исходным посылом был тезис о принципиальной гетерогенности этого социального пространства и потому бессмысленности внеконтекстуального использования основных категорий и терминов («дворянства», «крестьянства», «администрации», «просвещения» и т. п.). Так в 2002 г. появился формат общей темы года, расписанной в виде программы четырех тематических номеров, раскрывающих различные ее аспекты. Это процесс направленного поиска, в который были вовлечены сотни луч-

ших исследователей из десятков стран, действительно привел к появлению «нового знания», существенно корректирующего наши исходные представления. Промежуточным результатом этой работы стало издание сборника статей «Новая имперская история постсоветского пространства» и осмысление самого этого концепта.

Впоследствии некоторые коллеги поспешили «творчески апроприровать» эту идею, переименовав в «новую историю империи» — как более благозвучную и менее империалистически звучащую. Проблема же в том, что это переименование эссенциализирует некую «империю» (которая и должна очертить рамки исследовательской парадигмы), рассматривая ее как реальный объект, «вещь». Наш подход диаметрально иной. Удивительным образом, но торжество конструктивистского подхода к «нации», который признается большинством исследователей «конструктом», «воображаемом сообществом» никак не коснулось «истории империй.» По-прежнему делаются попытки создать «теорию империи», вычислить некий цикл ее развития (упадка и возрождения), выявить имманентно присущие империи черты. Даже такой последовательный конструктивист, как Фредерик Купер, призвавший отказаться от категорий «модерности» и «идентичности», не смог сохранить свой критический подход, когда заговорил об империи.¹ Происходит логическая подмена: сначала, на основании неких общих критериев (протяженность, авторитаризм, милитаризм, экспансионизм) государство начинают характеризовать как «империю», а потом, в результате фронтального и неизбежно поверхностного компаративного анализа «дистиллируют» присущие «всем империям» черты — те самые, что были изначально заложены в процессе классификации. Ибо лишь несколько европейских государств официально называли себя этим словом, заимствованным из латыни, остальных зачисляли в империи постфактум; но даже в Европе — что общего между Священной Римской империей германской нации и Второй французской колониальной империей? Помимо эвристической бесплодности этой аналитической процедуры, остается неясным, чем эта «империя» отличается от национального государства, управляемого авторитарным милитаристским режимом?

Мы предлагаем изучать в рамках Новой имперской истории не структуры, а практики и дискурсы, которые переплетаются в динамичную открытую систему «имперской ситуации». «Имперская ситуация» может быть обнаружена в России до провозглашения ее империей в 1721 году и после распада СССР — но и в таком нормативном современном обществе и идеальном нации-государстве, как Франция. Имперская ситуация характеризуется параллельным существованием несовпадающих социальных иерархий и систем ценностей, с очень приблизительно устанавливаемым «обменным курсом» статуса — в то время как идеальная

¹ Frederick Cooper. *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*. Berkeley: University of California Press, 2005. P.160–161 и passim.

модель современного национального государства предполагает универсальность и равнозначность социальных категорий во всех уголках общества. Если выпускники университета — православный и иудей — имеют разные шансы дальнейшей карьеры, это признак наличия «имперской ситуации» — но это же можно сказать и о ситуации, когда представитель этнического меньшинства получает преимущества в рамках политики affirmative action в современной Америке. Проблема не в самом неравенстве, которое никак не может считаться эксклюзивным свойством имперских обществ, а в том, что не существует однозначной и универсальной «шкалы». Тот же самый еврей в Одессе, Москве, Харбине и Ташкенте будет принадлежать к совершенно разным социальным группам, с разным статусом и правами. Имперская ситуация характеризуется тем, что сословие, конфессия, язык, класс, экономическое положение, образование, сфера занятости — выступают в роли самостоятельных и часто равнозначных элементов, из которых можно «выстраивать» совершенно разные комбинации. Тем, что отсутствуют универсальные, действующие во всех уголках государства правила и даже законодательство. «Имперское общество» состоит из регионов и краев, каждый на особом положении, оно анализируется в категориях частных «вопросов» («украинского», «польского», «еврейского» и пр.), каждая принимаемая рациональная мера немедленно вызывает совершенно неожиданные последствия. «Новая имперская история» — это не история конкретного региона или политики, это способ описания исторической реальности принципиально гетерогенного, полиэтнического и мультикультурного общества. В принципе, занимаясь историей татарского национального движения, нельзя абстрагироваться от того, что происходило на Украине, хотя речь идет о совершенно разных уголках страны. Потому что ротация администраторов приводила к обмену локальным опытом управления и решения проблем, потому что существовали структурно схожие ситуации — в которых вовлеченные стороны вели себя очень по-разному, потому что фундаментально дискретное имперское пространство было при этом единым полем социального и политического действия. В Российской империи до самого конца не было единой «национальной политики» — но было единое пространство принятия решений. Как уже не раз было указано исследователями, антипольские репрессии приводили, пусть и временно, к стимулированию украинского или литовского национального движения. Имперский режим с большим трудом удерживал состояние неустойчивого равновесия, сохраняя баланс сил и оплачивая репрессии по отношению к одной социальной группе привилегиями по отношению к другой. Не надо заниматься «историей Российского государства», чтобы учитывать механику имперской ситуации, позволяющую лучше понимать и видеть, как устроено сложное («имперское») общество.

Ab Imperio — на латыни — «от империи». Журнал призывает авторов и читателей дистанцироваться и от империи, и от нации, рассматри-

вая оба понятия как идеальные типы, концепты. Только при помощи этих двух осей координат реальность можно сколько-нибудь аккуратно описать историческую ситуацию. Игнорирование «нации» сразу делает анализ одномерным, как и игнорирование «имперскости», которая может проявиться в самом неожиданном месте. Условно говоря, нация — это относительно гомогенное пространство универсальных прав, обязанностей, культуры и языка. Империя — принципиально гетерогенное пространство. Реальность всегда находится между этими двумя полюсами, но ближе к одному или другому, и эта оппозиция позволяет нам описывать историческую динамику более аккуратно.

* * *

Что представляет собой «новая имперская история»? Это новая дисциплина, исследовательское направление, метод или некий «проект»?

«Новая имперская история», прежде всего, это момент осознания того, что разнообразные подходы к изучению прошлого, которые кажутся сегодня неудовлетворительными, можно помыслить как некую единую традицию. В логике довлатовского «какой-то он советский... ну антисоветский...», с определенной точки зрения, стирается грань между традиционным советским изучением, скажем, дореволюционного общества и американской социальной историей России начала 1980-х гг. Главной проблемой оказывается не степень идеологической ангажированности историка, а более фундаментальные элементы исследовательской оптики: неразличение категорий практики и категорий анализа (представление о реальности «дворянства» или «крестьянства» как однозначно идентифицируемых социальных групп); представление о политике и обществе как однородных пространствах (когда предполагается тождественность ситуации в Баку, Москве и Варшаве); вера в то, что власть и государство — полностью идентичные понятия. В критике этих представлений нет ничего собственно «имперского»: речь идет о том, что необходимо осваивать и экспериментировать с новой политической историей, быть в курсе современной эпистемологии социальных наук, уметь анализировать динамические многовекторные процессы и сложные многоуровневые пространства, одним словом — быть более открытым к достижению современной исторической науки последних 20 лет. И то, что сегодня называют некоторые наши коллеги «империологией», издателей журнала *Ab Imperio* никогда не прельщало: мы не создаем теорию империи а la Найал Фергюсон, не занимаемся прогнозированием и вычислением «имперских циклов» в духе Алекса Мотыля, даже не стремимся вычислить, когда именно Россия стала империей, а когда перестала. «Империя» как лейтмотив наших исследований и публикаций возникла тогда, когда встала проблема «исследовательской рам-

ки», когда потребовалось вписать частные «истории» и модели в некую общую систему или нарратив.

Журнал *Ab Imperio* создавался с достаточно четким планом развития *nationalities studies* в России. Упрощенно говоря, речь шла о том, чтобы говорить о российской истории не «вообще», а реконструируя участие той или иной национальной группы в изучаемых явлениях и процессах. Это значило писать не об отмене крепостного права «вообще», а об очень существенном различии в проведении реформы и ее результатах в Прибалтийских губерниях, на Средней Волге и на Украине. О том, что участие в революционном движении представителей разных национальностей имело разную мотивацию и логику. Почти сразу мы столкнулись с принципиальной невозможностью написания полноценных «национальных историй» по модели классической европейской историографии. Волжские татары начали называть себя этим словом лишь в конце XIX в. (до того предпочитая говорить о себе как о мусульманах), границы «украинскости» очень долго оставались неопределенными, да и сами «русские» до сих пор остаются крайне проблематичной категорией. Эмпирически можно идентифицировать конкретного украинца или татарина и в XVII веке (как правило, среди представителей элиты), но как реконструировать границы «национального тела» в донациональном или ненациональном обществе? Попыткой решить эту проблему в лоб можно объяснить комические эксцессы всех постсоветских историографий в 1990-х гг., напрямую проследивавших генеалогию вечной и неизменной нации со времен палеолита. Прямой противоположностью оказывался наивный конструктивизм, приписывавший эмпирически очевидные национально-культурные различия деятельности националистических элит, «изобретавших» ту или иную нацию. Даже в тех случаях, когда больших проблем с вычленением «своей» национальной истории не возникало (к примеру, в истории евреев или поляков), конструируемые национальные нарративы выглядели странно: некая гомогенная социальная группа противостояла «империи» (в смысле могучей враждебной власти), существуя изолированно в социальном «безвоздушном пространстве». При этом ускользала динамика развития национальных проектов и становилось невозможным изучение семантики категорий их самоописания (скажем, когда «народ» превращается в категорию описания современного национального тела и перестает быть только библейским тропом или частью концепции абсолютистского *Polizeistaat*). Многие исследователи в последнее десятилетие не только ставили под сомнение очевидность границ и гомогенность даже «образцовых» национальных групп, но и обращали внимание на важность «горизонтальных» отношений с соседями. Более того, параллельное знакомство с несколькими «национальными историями» выявляло параллелизм ситуаций и действий властей. И власти, и подданные взаимодействовали в некоем общем пространстве, но как его концептуализировать?

Предложенное Андреасом Каппелером «многонародное государство» не решало проблему: эта формула предполагает первичность четко выделяемых народов по отношению к общему политическому пространству, что методологически и исторически не вполне корректно. Чтобы не создавать новые сущности (тем более, со «старым» идеологическим багажом, — типа популярной сегодня «Евразии»), мы предложили воспользоваться аутентичным самоназванием — «империя». Однако мы постоянно подчеркиваем, что употребляем это понятие как категорию анализа, постепенно уточняя ее значение в ходе интенсивного научного поиска и диалога. В этой работе приняли участие более 500 авторов журнала, которым была предложена система тематических номеров в рамках детальных годовых программ. Каждая тема года — это некий метанарратив, который тестируется на историческом материале Российской империи/СССР («модернизация», «границы и границы», «историческая память», «языки самоописания», «антропология группности», «социология знания»). Мы исходили из того, что не знаем, как писать над-национальную историю, что для начала надо адаптировать ключевые исторические подходы к новой исследовательской задаче, поэтому от авторов требовалось одно: писать в рамках определенной темы, учитывая два фактора — принципиальную гетерогенность имперского пространства и при этом наличие неких механизмов взаимодействия и, возможно, синтеза локального опыта. На этом вполне механистическом принципе совмещения двух оптик («close up» на уникальные явления и ситуации — и общий план панимперского пространства) был построен сборник «Новая имперская история постсоветского пространства», изданный нами в 2004 г. к пятилетию журнала.

Таким образом, «Новая имперская история» возникла как исследовательский проект, направленный, собственно, на прояснение основ этой самой истории. В результате кумулятивного эффекта коллективного сотрудничества авторов и редакторов мы действительно наблюдали «приращение знания»: многие первоначальные гипотезы были опровергнуты и скорректированы. Например, оказалось, что не существует особого «имперского» языка самоописания, отличного от национального нарратива: одни и те же тропы и символы используются в разных ситуациях, с разным результатом. Оказалась снятой оппозиция «подданный — гражданин» как выражение отношений индивидуума и власти, соответственно, в империи и современном национальном государстве и пр. Для нас ключевым стало понятие «имперской ситуации», которая характеризуется сосуществованием нескольких альтернативных социальных иерархий, с неопределенным или множественным «курсом» взаимной конвертации. Это понятие релятивизирует структуралистские теории «империи» и «нации»: как и нация, империя — не «вещь», а система отношений. Причем национальная логика может восторжествовать в империи (Российской или Британской), а имперская ситуация проявиться в самом современном «национальном» обществе. К приме-

ру, предполагается, что модерное национальное государство построено на четком разделении социальных категорий класса, этничности, статуса, занятости и т. п. В «архаичной» же империи дворянин пользуется привилегированным положением в силу своего сословного статуса — например, в армии, где, при прочих равных условиях, разночинцу тяжелее сделать карьеру. Однако это правило действует не повсеместно даже в империи, поскольку уже в профессиональной сфере (юридическая или медицинская практика) дворянство, как и «положено» в современном обществе, значения почти не имеет. Другим маркером имперской ситуации является роль этничности как важного социального фактора: нормативная теория современного общества предполагает равенство прав и возможностей для всех граждан, вне зависимости от их происхождения. Однако и этот критерий не позволяет провести четкую границу между «империей» и «нацией-государством»: в Российской империи еврей мог принадлежать к совершенно разным социальным группам, с разным статусом и правами в зависимости от проживания в Одессе, Москве, Харбине или Туркестане. Но ту же гетерогенность социальной ткани можно обнаружить и сегодня в наиболее современных обществах: в одних сферах американской жизни принадлежность к цветному меньшинству уменьшает шансы на социальную мобильность и экономическое процветание, а в других — резко повышает их, по сравнению с любыми привилегированными группами (эффект политики affirmative action). Турецкий торговец в Германии удивительным образом оказывается в иной социальной категории, чем человек, отличающийся от него лишь «этничностью», и т. п. Таким образом, мы можем сказать, что проект «НИИ» сформировал определенный подход к изучению прошлого (и не обязательно только России). Его можно назвать и направлением, т. к. достаточно четко очерчен объект, основные параметры исследования (ключевые вопросы), сформулирован основной фокус на «имперскую ситуацию».

«Дисциплина» — это, вероятно, продукт определенного этапа институционализации. Нас этот аспект не интересует, тем более, что главной задачей является диалог с коллегами, а не их нормативное «дисциплинирование».

Как далеко простираются хронологические и географические рамки «новой имперской истории»?

Мы печатали статьи по истории Киевской Руси и посвященные анализу политического языка В. Путина. Редакторы *AI* — специалисты по истории России, журнал посвящен истории Российской империи и СССР, но мы публикуем статьи, рассматривающие — в близком нам ракурсе — прошлое и настоящее Западной Европы, Центральной Азии, США. Как любая «настоящая» (интересная) история, «НИИ» приложима не только к локальной ситуации. Например, образцовая национальная история Франции очень интересно «переписывается» на язык

ке НИИ (см. недавние интервью с Питером Салинсом, полемику с Аленом Блюмом и пр.).

О противопоставлении себя какой «старой» имперской истории можно вести речь и насколько жестким оказывается такое противопоставление (полное неприятие, частичное приятие, продолжение или простое дополнение «старых» исследований или своеобразный «новый синтез»)?

Прежде всего, взгляду на империю как реальную «вещь», равную самой себе; любому монологичному метанарративу имперского пространства (будь то взгляд «из центра», отождествляющийся с высшей имперской бюрократией, или эксклюзивному взгляду «снизу», воспроизводящему тропы и риторику активистов национального движения); наконец, парадигме, фиксирующей на неравноценном диалоге «центра-периферии» (и игнорирующей многочисленные «горизонтальные» связи и локальные иерархии). НИИ — это продолжающийся проект, творческий процесс с реальными результатами, поэтому дисциплинарная или межпарадигмальная политика играет совершенно второстепенную роль. «Митьки никого не хотят победить» — никакой монополии на исследовательскую программу или подход не существует, а потому нет и антагонизма. НИИ — это взгляд на прошлое. Отрицает ли он все другие? Синтезирует ли? Наверное, просто позволяет увидеть что-то новое, интересное.

Какие обстоятельства — дисциплинарные, институциональные, историческо-политические и политико-географические — способствовали появлению «новой имперской истории»?

Так получилось, что мы начали с этого сюжета. Но можно и развить эту тему. История, которой мы занимаемся, больше не имеет названия — а значит и предмета. История СССР? Этого государства давно уже нет. Russian History? Кто такие «русские» (и что делать со всеми остальными)? История Евразии? Но почему тогда она посвящена в основном Восточной Европе, игнорируя Индию и Китай? Slavic Studies? А что делать с тюрками и евреями? Нет предмета — нет интереса студентов, нет наполнения классов, нет рабочих мест, нет грантов. Конечно, это ситуация, прежде всего, западной «славистики», которая создала великолепную научную традицию в последние десятилетия. В России же разруха в историографии носит более методологический характер, когда потеря стройной марксистской объясняющей модели преодолевается путем варварской эклектики и заимствований из арсенала обществоведения вековой давности (вроде геополитики, романтического национализма, архаической политической истории и т. п.). Общему исследовательскому полю требуется единая рамка, учитывающая наличие многочисленных частных перспектив: национальных, профессиональных, политических, социальных. Новая имперская история — о том, как локальные общины

разного уровня сорганизовывались, взаимодействовали и в разной степени интегрировались в большое социально-политическое пространство. Тогда не теряется исторический опыт татар Средней Волги, который становится понятнее от сравнения с опытом украинцев или при учете «еврейской политики», а государственная политика демистифицируется, коль скоро принимается во внимание обратная связь центральной власти с местной администрацией, находящейся в очень разных условиях.

Границы НИИ не связаны сегодняшней картой мира, поскольку это, скорее, исследовательская ситуация и метод, а не «область исследования». Традиционный подход к прошлому предполагает, что «отечественная история» — это история отечества в нынешних границах. Поэтому история Польши, допустим, никогда не была частью советской «отечественной истории». НИИ — это не опрокидывание современности в прошлое, а потому история Польши играет ключевую роль в проекте НИИ России — так же как и Украины, Кавказа или Финляндии.

Такая исследовательская позиция оказывается тесно связанной с общими теоретическими проблемами современного исторического знания, которое возникло с появлением современного представления об историческом времени, согласно которому настоящее и будущее вытекает из прошлого. Это обусловило возможность рассмотрения феноменов текущего настоящего через призму его генеалогии в прошлом и, тем самым, использования истории как науки, которая объясняет настоящее через прошлое. Если мы посмотрим на то, как используется концепция империи в современной российской и западной научной и политической публицистике («пятая империя» Александра Проханова, «уроки Британской империи» Нейла Фергюсона, необходимость нового левого ответа в «эпоху империи» Антонио Негри), мы увидим, что в ситуации концептуального замешательства происходит обращение к историческому опыту в поиске параллелей, аналогий и метафор для осмысления современности. История может и перестала быть *magistra vitae*, но осталась резервуаром смыслов для современных интеллектуалов. Ключевой вопрос для историка, таким образом, заключается в возможности обращения к историческому опыту империи через призму аналогии и метафоры. На наш взгляд это — аналитический тупик и политически потенциально опасный эксперимент. Сознательные это исследователи склоняются к другой крайности, рассуждая о бесконечном настоящем, в котором мы живем. Наиболее ярко это проявляется в популярной сегодня области исследований исторической памяти. Эпистемологическая критика современных форм знания, произведенная в XX веке, показала невозможность беспроblemного построения генеалогий настоящего в прошлом. Нашему изучению доступны, таким образом, лишь современные представления о прошлом — историческая память, замкнутая в круг современных смыслов, языка, образов и форм мышления. Прошлое как иной культурный опыт становится невозмож-

ным. Соответственно, империя оказывается непознаваемой вне рожденных современностью категорий суверенного государства, общества горизонтальной солидарности и вертикальной мобильности, транспарентного поля культуры и т.д. В материалах, опубликованных в четырех номерах *Ab Imperio* (годовой комплект 2004 г.), посвященных исторической памяти, можно найти как яркие иллюстрации такого «осовременивания» прошлого, так и критику этого исследовательского подхода.

Обе описанные выше тенденции в их приложении к имперской истории совершенно игнорируют очень важную, с нашей точки зрения, семиотическую функцию истории, которая весьма сродни современной социальной или культурной антропологии — изучение уникального исторического опыта, не сводимого к универсальным категориям современных социальных наук. НИИ предлагает модель исследования радикально отличного мира смыслов и практик прошлого, которые подчеркивают новизну текущей ситуации и заставляют быть творческими и ответственными в осмыслении современных политических и интеллектуальных тенденций, указывая пути выхода из эгоцентризма «бесконечного настоящего». В этом мы видим «добавочную стойкость» интеллектуального эксперимента под названием «Новая имперская история».

Каким образом происходит выделение собственно «имперской» составляющей? В чем состоит отличие «имперского» от «до-» и «постимперского»? Где заканчивается одно и начинается другое, и как они соотносятся между собой? И чем отличаются ответы на эти вопросы у «новой» и «старой» имперских историй?

В последние годы «империя» вошла в академическую моду — в какой-то мере, и благодаря нашим усилиям. Мы это поняли еще в июле 2005 г. на VII Всемирном конгрессе славистов в Берлине, где оказалось неожиданно много «имперских» секций. В ноябре этого года 39 ежегодная конвенция Американской славистской ассоциации впервые будет тематической — и темой объявлено «The Persistence of Empire». Империя — везде, и все теперь — империя. Это лишает всякого смысла использование этого и без того семантически перегруженного термина. Поэтому принципиальный вопрос, который надо задавать сегодня: для чего нужна «империя»? Нельзя ли обойтись без этого понятия? Что изменится, если изучаемый феномен или процесс поместить в контекст «национального государства»? Если ничего — не надо бы упоминать империю!

«Старая» имперская история по большей части не знала, что она имперская — если бы Россия называлась не империей, а халифатом, она была бы халифатской. Или республиканской. В ней ничего специфического «имперского» не было — дворянство и крестьянство, индустриализация и революционеры могли в таком же виде существовать в любой другой среднеразвитой политике. Или нет? Но тогда нужно четко показывать, в чем специфика именно имперской ситуации.

Другая крайность, которую мы отвергаем, — различные проекты «империологии», направленные на типологизацию империй и выработку некой «теории империи». Примером может служить недавняя интерпретация А. И. Миллером концепции новой имперской истории. В своих публичных выступлениях и публикациях Миллер объявил, что занимается «новой историей империи», и что такое определение благозвучнее и не несет никаких «имперских» коннотаций. Безусловно, заниматься можно всем, и нет никакой единственно правильной истории, однако нужно и отдавать себе отчет в смысле существующих различий в подходах. «История империи» предполагает, что существует некая «империя», которую изучают. Неизбежно возникает вопрос: а что есть империя? Советский Союз — империя? А держава Чингисхана? Исторически и юридически корректно можно говорить всего о нескольких политиях, использовавших этот термин латинского происхождения. Но что общего между Священной Римской империей германской нации и Второй французской колониальной империей? Большая часть общеизвестных «империй» получили этот титул в трудах историков и политологов, не подозревая об этом своем качестве. Коль скоро государство обычно называют империей на основании нескольких признаков (обширность территории, полиэтничный состав населения, военная мощь, авторитаризм системы управления), то именно они и «дистиллируются» в результате сравнительного анализа различных «империй»: оказывается, им всем присущ авторитаризм, экспансионизм, милитаризм... Помимо эвристической бесплодности этой аналитической процедуры, остается неясным, чем эта «империя» отличается от национального государства, управляемого авторитарным милитаристским режимом и гомогенизирующего собственное население? Таким образом, все попытки вычленивать некую универсальную «имперскость» или заниматься историей «империи» сталкиваются с той же проблемой: эссенциализация объекта толкает исследователя в замкнутый цикл «дурной бесконечности», когда он имплицитно формирует предмет исследования, но, воспринимая его как очевидную данность, не рефлектирует свою роль в создании этой виртуальной, по сути, реальности и пытается индуктивно из нее же вывести некие новые знания — а они были заложены с самого начала при определении границ предмета исследования...

Структурно невозможно отделить «империю» от «не-империи», «постимперии». Империя «управляет различиями»? Но и любая сколько-нибудь масштабная полития решает эту задачу. Империя выстраивает иерархии власти? Но это главное отличие любого государства. Империя разделяет общество на эксплуатирующий центр и эксплуатируемую периферию? Во-первых, после попыток реконструировать «баланс» экономических отношений в Британской и Российской империях, этот тезис как минимум нуждается в уточнении. Также старомодным выглядит представление о том, что «капитал» сводится к финансовым средствам. А во-вторых, региональное неравенство не является прерогативой

исключительно империй. Очевидно, плодотворный ответ на вопрос о том, «где кончается одно и начинается другое», не может быть внеконтекстуальным и внепроцессуальным. (В этом смысле, существует мощное ограничение перспективности «имперского компаратива»: само по себе сравнение политий, как уже было сказано, дает заведомо очевидный ответ. Интерес представляет сравнительный функциональный анализ: как разные общества реагировали в схожих ситуациях на схожие вызовы.)

«Имперскость» как аналитическая категория важна и нужна тогда, когда необходимо объяснить дискретность социального пространства, сохраняющего свою целостность. То, что Россия покоряла Кавказ само по себе не делает ее империей — по крайней мере, в глазах исследователя (вполне типичным являлось желание обезопасить южную границу, установить надежное сообщение с отдаленной провинцией — Грузией, отсутствие «exit strategy» перед лицом ширящегося восстания горцев и пр. аспекты «логики ситуации»). А вот то, что после покорения центральная власть отказалась от попыток распространить единое, универсальное имперское законодательство на значительную территорию, фактически живущую по шариату — является очень интересным и важным «имперским» фактом. Не все империи соглашались на сохранение шариата на части своей территории; но имперская ситуация всегда характеризуется тем, что приходится уравнивать отношения «бартера» статуса и полномочий ad hoc вместо единого и универсального социального порядка. Политическая лояльность края иногда обменивается на передачу беспрецедентных экономических и налоговых льгот, а иногда добывается террором; иногда происходит инкорпорация элит в имперский политический класс (Украина), а иногда местные элиты получают карт-бланш на самостоятельность в управлении краем в обмен на стабильность (российские протектораты в Средней Азии). Столь же «имперским» феноменом является идеологическая мотивация агентов имперской политики на Кавказе, которая в значительной степени определялась представлениями о цивилизационной миссии России по отношению к этой «ориентальной» провинции. При этом нужно понимать, что ориенталистский сценарий прилагался далеко не ко всем окраинам, а некоторые исследователи склонны говорить о внутреннем российском «ориентализме», обращенном на собственное крестьянство. Так что универсальных признаков «имперского» порядка нет, но есть общий набор сценариев и дилемм, из которых приходится выбирать, в данных и всегда уникальных обстоятельствах.

Новая имперская история вряд ли поможет вывести историческую мораль, ее задача — обращать внимание на многомерность исторического процесса. С традиционной точки зрения, империя угнетала балтийские народы. Или — с точки зрения некоторых современных версий «имперских штудий» — заимствовала репрессивную политику из репер-

туара соседних империй. Но интереснее кажется то, что в борьбе с одними группами (поляками) политика центральной власти приводила к стимулированию и даже спонсированию развития национального чувства других (литовцев). Это никоим образом не входило в планы властей, но так складывалась «логика ситуации» в условиях отсутствия «русского» населения в крае. Новая имперская история — это попытка рассматривать прошлое как открытую динамическую систему в состоянии неустойчивого равновесия, где невозможны однозначные и предсказуемые «термодинамические» уравнения. Ни одно задуманное действие не приводит в точности к ожидаемому результату — тут уж дело не в империи как таковой, это похоже на довольно аккуратное моделирование реальной жизни...

Вы проводите какое-то различие между «империей» и «империализмом»?

Поскольку мы не работаем с «империей» и «империализмом» как некими сущностями, этот вопрос нас не очень волнует. Более того, НИИ не воспринимает логику, выводящую нацию из «национализма» как коллективного самосознания и типа политики, а империю — из империализма. Такая логика воспроизводит все тот же эпистемологический замкнутый круг, когда априорно заданная сущность определяется через ее проявления, которые, в свою очередь, интерпретируются через ее суть. Если империя воюет за границами — это империализм. А если воюет маленькое национальное государство Израиль? Как мы знаем из пропаганды — это тоже называется «империализм», но тогда при чем тут империя и зачем вообще нужны эти слова? Как было авторитетно сказано одним герцогом: «война — это... Война!»

Однако мы вполне допускаем, что исследователь может пользоваться «империализмом» как категорией политического анализа, которая описывает определенный агрессивный внешнеполитический курс государства («имперского», «национального», «демократического», «авторитарного»... — не важно), направленный на обретение контроля над другими политиями, экономическими системами, обществами. Если использование термина теоретически осознанно и контекстуально уместно — let it be.

«Новую имперскую историю» можно рассматривать как критику «методологического национализма» со стороны «прошлого» («методологический космополитизм» Ульриха Бека, провозглашающий неизбежное наступление «глобального космополитического общества», представляет собой своего рода критику со стороны «будущего»), которая показывает неприменимость или в лучшем случае ограниченную применимость теорий общества, создававшихся в ситуации национального государства, к исследованию прошлого. Но не происходит ли в теоретическом противопоставлении империи и нации эссенциализации самой «нации» (ведь «нация» — или то, к чему при-

менялось это означающее, — никогда не была такой, какой ее описывали националисты — «методологические» и «политические»)?

Наоборот, главной опасностью является эссенциализация империи — нации уже, видимо, не оправиться от деконструкции. Между тем даже такой последовательный конструктивист как Фредерик Купер, призвавший отказаться от категорий «модерности» и «идентичности», не смог удержаться в рамках собственного критического подхода, когда заговорил об империи.² Нация — конструкт, плебисцит, воображенное сообщество. А империя — у нее якобы есть свойства, логика, телеология... Была ли Россия империей до 1721 г.? Стала ли ею в одночасье по указу Петра I? Мы можем различить имперскую ситуацию и в формально неимперском обществе, коль скоро речь идет о практиках и дискурсах, а не о структурах.

Очень важно также совмещать «имперскую» и «национальную» оптики в анализе. Коль скоро оба понятия — идеальные типы, концепты, реальность можно описать только при помощи этих двух осей координат. Игнорирование «нации» сразу делает анализ одномерным, как и игнорирование «имперскости», которая может проявиться в самом неожиданном месте. Разумеется, если мы отдаем себе отчет в том, что имеем дело с аналитическими конструктами, и что между оригинальной семантикой «нации» и «империи» как категорий практики и нашими идеальными типами существует значительный зазор. Условно говоря, нация — это относительно гомогенное пространство универсальных прав, обязанностей, культуры и языка. Империя — принципиально гетерогенное пространство. Реальность всегда находится между этими двумя полюсами, но ближе к одному или другому, и эта оппозиция позволяет нам описывать историческую динамику более аккуратно.

Ставите ли вы перед собой какие-либо «критические» (в актуальном социально-политическом смысле) задачи?

«Новая имперская история» напрямую вообще не преследует никакие социально-политические задачи. В то же время, методологическая критика и многофакторность анализа, отказ от любого монологичного метанарратива имплицитно предполагают и определенную политическую позицию. Это не просто абстрактный «плюрализм» и рационализм, несовместимые с «эросом государства» или любой другой общины (нации, конфессии и т. п.). Исследовательская задача — представить всякое общественное явление как результат сложного баланса факторов и интересов — предполагает критическое восприятие любого социального порядка и его саморепрезентации. НИИ показывает, как порядок возникает «из хаоса» (используя терминологию И. Пригожина), во всяком случае, из несовершенного общественного устройства и неполно-

² Cooper F. *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*. Berkeley: University of California Press, 2005. P. 160–161 и passim.

го знания, а вовсе не в результате телеологического развития, высшего замысла или тайного заговора.

Та история, которую мы пишем и читаем на страницах *Ab Imperio*, разоблачает самонадеянность и гигантоманию имперской власти — но также и узость и нетерпимость националистических движений. Империя (как политическая система) — это действительно репрессивная полития, и мы против глорификации той или иной исторической империи (или некоего будущего имперского порядка). Впрочем, борьба за национальный суверенитет принесла не меньше страданий людям, и нация как «идеальный тип» вряд ли может считаться также и идеальным устройством общества.

Мы не можем предложить конкретные политические рекомендации: во-первых, это не дело историков (*pace historia magistra vitae*), а во-вторых, наш критицизм не конструктивен. Империализм и сепаратизм ведут к насилию, этническим чисткам и неравенству. Политик должен выбирать наименьшее зло в данный момент, а мы — слава богу — нет. Мы лучше понимаем, как устроено сложное («имперское») общество, но вряд ли это знание будет востребовано на удивление убогой интеллектуально политической элитой современной России.

Принимая во внимание широкое обращение к языку «империи» среди исследователей и политиков в России и за рубежом, насколько, как вам кажется, категория «империи» вообще релевантна для описания современного состояния в мире или его регионах и, если нет, то какой другой язык описания представляется вам наиболее уместным?

Этот вопрос (снова) заставляет нас комментировать НИИ как идеологический проект, которым он вовсе не является. *Ab Imperio* посвятил целый год рассмотрению вопроса о том, как историческая память и опыт функционирует в имперском контексте, «чья» память становится основой официальной политики и риторики и как в империи извлекаются «уроки» из прошлого. Мы не предлагаем НИИ в качестве основной объяснительной перспективы современной политической элите, но призываем изучать механизмы того, как «история» становится современностью (на уровне языка, легитимации практик и т. п.). Иначе понимают роль истории в современных социальных и политических процессах лишь те, кто высоко ценит аргумент *path dependency* (к сожалению, их большинство в российском экспертном сообществе). Сам по себе этот аргумент бессмысленный: новое нельзя механически экстраполировать из прошлого. Не было 800 лет демократии — значит и не будет никогда. Если христиане и мусульмане истребляли друг друга полтора тысячелетия — им не избежать дальнейшего противостояния. Между тем история учит только одному: все бывает, особенно то, чего меньше всего ожидают. Новая имперская история не открывает Америку, когда призывает строить более сложные уравнения. Исходя

из изучения прошлого в рамках НИИ, можно спекулировать о том, что в арабо-израильском конфликте (как и в Чечне) бессмысленно «мочить» оппонентов в сортире и публично унижать, надо кооптировать региональные элиты, жертвуя полным суверенитетом центральной власти в обмен на политическую стабильность. Это «имперская» практика; она работает — но только тогда «национальное государство» перестает быть национальным государством, вводя различные градации подданства и гражданства, особые экономические зоны, специальное законодательство и т. п. Мы видим, что укрепление «вертикали власти» в России привело к почти невероятной ситуации: распад страны вполне осязаем, всего несколько лет назад это казалось не более чем фигурой пропагандистской риторики. Очевидно, общество столь гетерогенное де-факто, с множественными слабопересекающимися экономиками («московской» и провинциальной, бюджетной и частной, сырьевой и производительной, долларовой и бартерной), поликультурное и полиэтничное не описывается нормативным языком современного нации-государства. Мы можем описать его более нюансировано на языке НИИ, однако проделанный анализ и предложенные рекомендации далеко не всегда способны удовлетворить политиков. Они думают, что строят империю, воздвигая «Вавилонскую башню» централизма на глиняном фундаменте — уже блистательно развалившуюся всего сто лет назад. Как знать, может быть обращение не к имперской форме, но к имперским практикам — озабоченным единственной задачей поддержания зыбкого равновесия общин и сообществ — приведет к обратному результату?

И последний вопрос: какую роль, на ваш взгляд, в распаде империй сыграли прогнозы «неизбежности» этого распада?

Наверное, решающую. Как мы уже писали не раз, современное обществоведение родилось в национальном государстве и для обслуживания его, а потому даже апологеты империи вынуждены были обращаться к аналитическому инструментарию, в котором национальная перспектива была «прошита» изначально. Эта проблема историков: выявить, как это происходило, какие попытки модернизировать империю предпринимались обществоведами, в том числе и концептуально. А уж хорошо или плохо, что империи распались — это вопрос личной веры.

Беседовал Артем Смирнов